

Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX — начало XX в.)*М.В. Стурова*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Confessional Dominant in the Integration of the Slavic Population: Church-School Building in the Steppe Region (80-ies of the XIX — Beginning of the XX Century)*M.V. Sturova*

Altai State University (Barnaul, Russia)

Центральная проблема статьи — степень влияния церковно-школьного строительства на процесс интеграции этнорегиона Степного края. Пристальное внимание уделяется проповеднической деятельности Русской православной церкви среди славянского населения. Исследованию подвергаются отчеты Томской и Омской епархий, аспекты «концентрации» церквей, уровня образования причетников, морально-нравственного состояния паствы. Результатом исследования становятся выводы о преемственности традиций двух епархий, утверждение принципа самостоятельности омского духовенства в определении первостепенных задач. Также автор выяснила, что в процессе церковно-школьного строительства, диагностики «вероисповедной активности» духовенством были сделаны выводы о необходимости перестановки приоритетных задач: с христианизации казахов на интеграцию собственно славянского населения. Установлено, что именно с помощью конфессиональной доминанты образовательной интеграции осуществлялось воздействие на область национального ядра (язык — религия — историческая память) и восстанавливалась вероисповедная общность переселенцев с государствообразующим этносом Российской империи.

Ключевые слова: образовательная интеграция, конфессиональная школа, Омская епархия, «знание веры».

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-30

The central problem in the article is the issue of the degree of influence of church-school building on the integration process in the Steppe general-governorship. Careful attention is paid to the preaching activities of the Russian Orthodox Church of the Slavic population. Study reports are subject to Tomsk and Omsk dioceses, aspects of the “concentration” of churches, education of priests, moral and ethical status of the flock. The result of the research findings are the continuity of traditions of the two dioceses, the assertion of the principle of independence of the Omsk clergy in identifying priority tasks. Also the author has found out that in the process of the church building, religious and educational activities, diagnosis of “religious activity” clergy drew some conclusions about the need to reshuffle priorities: from the christianization of the Kazakhs to the necessary integration of the Slavic population. That confessional dominant educational integration was intended to serve as a national impact on the region of the nucleus (language — religion — historical memory), restoring the religious community of immigrants from the state-forming ethnos of the Russian Empire.

Key words: educational integration, denominational school, Omsk diocese, «the knowledge of faith».

* Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00281 «Политика России в центральноазиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX — начале XX в.»; РГНФ, проект № 12-31-09012 «Центрально-азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

Комплексное рассмотрение стратегии интеграции и управления национальными регионами России имперского периода традиционно мыслится ущербным без пристального изучения конфессиональной составляющей политики интеграции. Сложность вопроса состоит в выяснении контекстной основы «обработки» религиозной составляющей: эволюционировала ли политика инкорпорирования от понимания необходимости адаптации к религиозной специфике этнорегиона и максимального нивелирования данной особенности до прагматического использования собственного институционального инструмента для организации альтернативного пути этнического развития интегрируемых? Актуализация опыта администрирования мусульманского этнорегиона Степного генерал-губернаторства на этапе его существования связана с потребностью противопоставить тенденциям разобщенности и нарочитой самостоятельности субъектов РФ понимание общности пути национального развития в составе единого государства, апеллируя к исторической памяти наличия опыта существования мусульманского региона Степного края в составе Российской империи. Особенный интерес вызывает образовательная составляющая интеграционных устремлений имперской административной элиты: используя школы как структурный элемент политики инкорпорирования, управленческая верхушка реализовывала культуртрегерский вариант освоения казахских степей, создавала основу для прочных политических связей через воспитание поколения, готового в широком смысле к восприятию российско-имперских цивилизационных основ, мировоззренческих установок.

В отечественной и зарубежной (центральноазиатской и западноевропейской) историографии, исследующей теорию управления имперским поликонфессиональным пространством, логику интеграции по отдельным ее компонентам, а также роль институтов и учреждений, осуществлявших в азиатских национальных окраинах политику интеграции (присоединения / захвата / освоения) (см., например [1; 2; 3, с. 210–213]), особого внимания заслуживает аспект «инструментальной составляющей» культурно-цивилизационного инкорпорирования — школ, орга-

низовывавшихся Русской православной церковью (далее — РПЦ) на территории Степного генерал-губернаторства. Несмотря на всестороннее изучение деятельности РПЦ в Казахстане [4], вопрос функциональной стороны церковно-школьного строительства с точки зрения содействия реализации общей логики интеграции остается открытым.

Исходные основания деятельности РПЦ в казахских степях побуждают интерпретировать ее как сопряженную с идеей подчиненности выполнения задачи имперского строительства [4, с. 55]. Однако анализ организации церковно-школьного строительства свидетельствует не только о полном, глубоком осознании своей силы воздействовать на мировоззрение паствы посредством просвещения и крещения, но и действительно существовавшей возможности повлиять на вектор государственной политики интеграции. Так, образовавшись в 1895 г. из приходов Тобольской и Томской епархий, имея в основании Киргизскую миссию, следовательно, ориентированность на «противомусульманскую пропаганду», Омская епархия сохранила традицию пристального наблюдения за вероисповедной активностью русскоязычного населения. Основанием такого подхода являлась преемственность ведущих принципов окормления паствы от священства Томской епархии к клиру Омской.

Общим показателем интенсивности деятельности православного духовенства являлась «концентрация» церквей в благочиннических округах, поскольку именно церковь являлась центром приходской жизни, а на территории проживания общин переселенцев одновременно имела и дом священника, и классы церковно-приходской школы. Обращаясь к отчету Томской епархии за 1859 г., обнаруживаем указание о числе благочинных, которых «к концу 1859 г. состояло 42; и кроме того, одно место осталось вакантным, так что на каждого благочинного, по числу церквей причитается средним числом по двенадцати. Из них в Томской губернии 24, в Енисейской 17, в Семипалатинской области 1» [5, л. 2–2об.]. В указанном отчете епископа Томского Парфения (Попова) содержатся сведения о причинах, по которым значительные территории остались вне попечения епархиального духовенства: «самое незначительное число

Таблица 1

Число церквей Томской епархии в 1859 г.

Области и губернии	Построенные	Строящиеся	Разрешенные к постройке	Всего
Томская губерния	185	69	72	326
Енисейская губерния	129	23	33	185
Семипалатинская область	7	1	1	9
Итого	321	93	106	520

Таблица составлена по данным отчета о состоянии Томской епархии за 1859 г. [5, л. 24 об.].

церквей в Киргизской степи» объяснялось «по крайней трудности в проезде и по неимению способов к дальнейшему проезду» [5, л. 7об.–8].

Состояние учебного дела описывалось не лучшими характеристиками. Процесс перманентного расширения приходов, строительства новых церквей приводил к дополнительным расходам, вызывал нехватку «благочиннических кадров» и, как следствие, невозможность «завести при них (монастырях. — М. С.) какое-нибудь училище» (всего же в 1859 г. их насчитывалось 31, «число учеников при них было незначительное») [5, л. 53об.].

Обстоятельствами, препятствовавшими расширению школьной сети, называются «закоренелость в раскольнических предрассудках» самого населения, «постоянные отвращения причта для исполнения треб по приходам, составленным из нескольких деревень, неустроенность самих приходов и даже церквей вследствие значительного их умножения, не дает в настоящее время возможности заняться с большим успехом училищами» [5, л. 53об.–54].

В преддверии учреждения самостоятельной Омской епархии произошли изменения в сторону преодоления препятствий в церковно-школьном строительстве и организации образовательного пространства в целом. По данным Отчета епископа Томского Петра (Екатериновского) о состоянии Томской епархии за 1880 г., во-первых, открытие Томского викариата способствовало «доставлению» епархиальной структуры. Во-вторых, произошло выравнивание соотношения приходского духовенства и населения. Совершенно очевидно, что появившаяся возможность «обозреть» паству «на школьном деле» отразилась в реализации стремления придать образовательному процессу дисциплинированность, упорядоченность [6, л. 5].

Среди недостатков педагогов отмечена нерадивость в преподавании самих причетников¹ (по Томскому и Каинскому округам), а также отсутствие ярко выраженной мотивации к обучению в православных конфессиональных школах². По этой же причине

¹ «За леность и опущение уроков по Закону Божию» епископ принимал меры к исправлению и штрафовал нерадивых «деньгами в пользу попечительства о бедных духовно-го звания» [6, л. 5].

² «В народе видимо мало сочувствия к образованию своих детей. От того школ мало». Причиной данного свойства «индифферентности» выступает общее состояние непросвещенности в догматах христианства и православия, в частности: «Нравственно-религиозные понятия в народе по наблюдению Викария до того неопределенны и смутны, что многие осенение себя крестным знаменем принимают за самый крест; и если некоторые крепки в православии; то не в силу внутреннего убеждения, а по той же причине, по которой крепки в расколе раскольничающиеся, т. е. по родительскому благословению» [6, л. 5–6].

по итогам отчетного, 1880 г., и церковно-приходских попечительств насчитывалось всего 2. Епископ Петр поясняет: «В одних местах прихожане отказываются от учреждения у себя попечительств по религиозной холодности, в других по бедности. Некоторым священникам и удавалось открыть, но по прошествии двух-трех лет попечительства сами собою закрывались, по несочувствию к ним горожан» [6, л. 9].

Вместе с тем уровень образования самого духовенства, а также «нравственный облик» влияли на появление у паствы «несочувствия» и «религиозной холодности». Как отмечал епископ Петр в отчете за 1880 г., «со стороны образования, духовенство Томской епархии стоит не на высокой ступени». Более того, болезненно воспринимались «недуги» пастырей, дискредитировавшие духовенство в целом³.

Акцентируя внимание на определении специфики деятельности РПЦ в Степном крае как изначальной ее ориентированности на христианизацию казахского населения, отметим и преемственность в практике церковно-школьного строительства, отраженную в придании большого значения религиозно-просветительской деятельности среди славянского населения. Например, по данным Отчета Киргизской миссии Омской епархии за 1897 г., отмечалось, что «при станях миссии существовало в отчетном году 6 училищ. Во всех школах в течение года обучалось 162 мальчика и 41 девочка, а всего 203 человека, в том числе детей инородцев 30 человек». Именно факт утраты «знания веры» побудил православных священников, в чьи обязанности входила катехизация казахов, проводить миссионерскую деятельность среди собственно русскоязычного населения [7, л. 14об.–16].

В свою очередь, на функционирование конфессиональной православной школы влиял комплекс факторов, которые группируются в два блока: первый связан с объектом, на который направлены действия

³ «Главные нравственные недуги, которыми страдают некоторые члены клира, суть: нетрезвость, грубое обращение с прихожанами, особенно притязательность за требы, которые зависят большею частью от бедности. По моему немаловажному наблюдению много нравственного вреда в духовенстве производят выборные начала и съезды депутатов епархиальные и окружные, — развивают особенно в молодых священниках дух своеволия, заносчивости, распущенности в жизни, стремление к независимости в мнениях и действиях; на съездах молодые и заносчивые священники стараются одержать верх над старшими священниками неосновательностию суждения, — остротами, оттого дело иногда доходит до взаимных оскорблений, из-за которых старшие, степенные священники уклоняются от съездов, а вызываются на них большею частью молодые, борзые говоруны, от которых нельзя ожидать ни основательности суждений, ни практической пользы, да и архиерейским советам иногда не хотят подчиняться по одному только желанию независимости во всем» [6, л. 11–11об.].

РПЦ по образовательной интеграции (морально-нравственный уровень паствы, «знание веры», обстоятельства «враждебного» инородческого окружения и присутствия других религиозных конгрегаций); второй — с субъектом образовательной интеграции — православным духовенством, «тягловой силой» самой структуры РПЦ и ее «звеньев» (епархий, приходов). Последнее подразумевает способность и возможности осуществлять масштабное школьное строительство и реализовывать собственно образовательный процесс, связанный с подготовкой кадрового состава, организацией библиотек и в целом активной проповеднической деятельности (с подспудной целью мотивировать к обучению в «православной школе»).

Так, одним из существенных обстоятельств, определявших масштаб и качество религиозно-просветительской деятельности, являлась свойственная епархиальному строительству на «окраинных территориях» проблема финансирования причтов. Поскольку казахское население в большинстве своем не имело возможности обучать детей за свой счет, материальные расходы адресовывались епархиальному начальству, организовывавшему обучение пансионеров. В Отчете Киргизской миссии Омской епархии находим сведения о содержании на средства Киргизской миссии пансионеров из детей крещеных казахов (в 1896 г. в 6 школах миссии 7 человек, в 1897 г. — «при Буконском стане имеется приют, в котором содержится 12 человек пансионеров») [7, л. 14об. — 23об.].

Не лучшим являлось и положение церковно-приходских школ в среде русскоязычного населения, не продолжившего практику «обустройства» благочиннических округов. Спецификой этнорегио-

на Степного генерал-губернаторства является эффект «неоправдавшегося ожидания», расчета на то, что с помощью государственных финансовых средств изначально построенные в короткие сроки деревянные и саманные церкви в дальнейшем будут «расстроены» на средства к тому времени материально окрепших переселенцев. Однако, по архивным данным, по прошествии около 20 лет, к началу XX в. построенные еще на государственные средства церкви пришли в ужасающее состояние, практически не ремонтировались, «жалование» причетники также почти не получали, вскрылись случаи остановки процесса выделения земельных участков священнослужителям [8, с. 68–70], как следствие, школьное дело находило меньший отклик у населения [9, л. 32].

Подобное, заведомо стратегически уязвимое (на фоне мусульманских форпостов веры) положение РПЦ в казахских степях являлось следствием не только идеологически не мотивированных, индифферентных и «отпавших в безверии» переселенцев и омульманившихся казаков [9, л. 34об.–35], но и курса государственной политики. Проблема выбора приоритетного пути образовательной интеграции была связана с сильными позициями мусульманства среди казахского населения. И, по мнению Министерства внутренних дел (МВД), любое усиление российско-имперской конфессиональной доминанты приводило к «фанатизированию» казахов. Следовательно, поощрение строительства светских школ, преимущественно Министерства народного просвещения (МНП), являлось, согласно указанной логике, нейтральным вариантом приобщения казахов к российско-имперской культуре через обрусение (табл. 2).

Таблица 2

Число школ в пределах прихода. Омская епархия, 1915 г.

Область, уезд	Церковно-приходские школы	Школы грамоты (церковные)	Земские школы	Школы МНП
По Акмолинской области: Омску, его уезду	6	–	–	30
	6	2	–	52
Петропавловску, его уезду	3	–	–	6
	29	3	–	34
Кокчетаву, его уезду	–	–	–	–
	31	4	–	48
Акмолинску, его уезду	1	–	–	6
	10	1	–	17
Атбасару, его уезду	–	–	–	4
	10	2	–	22
По Семипалатинской области: Семипалатинску, его уезду	5	–	–	–
	4	–	–	16

Павлодару, его уезду	1	–	–	8
	3	–	–	33
Усть-Каменогорску, его уезду	6	–	–	7
	5	–	1	15
Зайсану, его уезду	–	–	–	3
	–	–	1	3

Таблица составлена по данным, предоставленным Канцелярии Синода Омской епархией за период 1910–1915 гг. [10, л. 128об.–129].

Однако факт привлечения средств из имперской казны на епархиальное строительство свидетельствует о влиянии православного духовенства на изменение политики министерских структур в отношении славянского населения, выразившемся в эволюции мнений от обеспечения переселенцев возможностью поддерживать религиозные традиции до необходимости (в целях сохранения имперской структуры) осуществлять миссионерскую проповедь среди собственно русских переселенцев. Например, в 1903 г. число причтов, получивших содержание из сумм государственного казначейства, по сравнению с предыдущим годом увеличилось с 61 до 83, достигнув 99643 руб. [10, л. 10об.].

В результате изучения церковно-школьного строительства на территории Степного края мы пришли к выводам о достаточной самостоятельности деятельности РПЦ в общем русле политики культурно-цивилизационной интеграции региона. Исследование именно конфессиональных школ, организуемых православным священством Омской епархии, способствовало выявлению тактики РПЦ как ведущей в деле интеграции собственно славянского населения. Именно по линии религиозного просвещения своевременно была выявлена необходимость восстановления идейно-мировоззренческой связи с имперским центром. Посредством восстановления и укрепления

«знания веры» православное духовенство создавало прочную основу противостояния тенденции омусульманивания русскоязычного населения. Вкупе с деятельностью Киргизской миссии по христианизации казахов, в том числе и через образовательные учреждения, усилия РПЦ в Степном крае по интеграции этнорегиона в целом возможно считать успешными. Небольшие количественные показатели вовлеченности казахов в православные конфессиональные учебные заведения, а также значительно меньшее число школ РПЦ относительно учебных заведений МНП объясняется в первом случае совпадением активной деятельности министерских структур по включению этнорегиона в общеимперское пространство с интенсивным процессом этногенеза у казахов в конце XIX — начале XX в. (как следствие, выбор логики развития по пути модернизации образовательной системы исключительно в мировоззренческой системе ислама). Во втором же — епархиальная структура не могла равноценно противостоять тенденции имперского руководства по реализации варианта интегрирования при использовании светской модели обучения. Поощрение строительства школ МНП, а также профильных («профессиональных») учебных заведений, подведомственных другим министерствам, происходило в контексте политики русификации, ослаблявшей «фанатизирование» интегрируемого населения.

Библиографический список

1. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. — Омск, 2013.
2. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI в.): сб. статей / под науч. ред. Е. В. Годовой, С. В. Любичанковского. — Оренбург, 2012.
3. Стурова М. В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX — начало XX в.): к постановке проблемы // Известия Алт. гос. ун-та. — 2012. — № 4/1.
4. Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2010.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 39.
6. РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 907.
7. РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 1681.
8. Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII — начало XX в.). — Барнаул, 2011.
9. РГИА. — Ф. 796. — Оп. 442. — Д. 1965.
10. РГИА. — Ф. 796. — Оп. 440. — Д. 438.